

Петрова Э.Б.
ПАМЯТИ Л.П. КОЛЛИ

"... люблю Россию и буду ей предан до смерти"

Л.П. Колли

85 лет назад - 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.) - не стало одного из крупнейших крымских краеведов, ученого, известного в отечественной медиевистике и археологии, Людвика Петровича Колли. Француз швейцарского происхождения, он приехал в Россию в молодом возрасте, и здесь нашел свою вторую родину. С 1879 г. жил и трудился в Феодосии, где и умер, оставив по себе долгую добрую память. Доказательство тому - полные грусти и тепла некрологи, опубликованные в "Известиях ТУАК" его коллегами и друзьями - Арсением Ивановичем Маркевичем (известным крымским исследователем и общественным деятелем, председателем ТУАК) и Вениамином Давидовичем Гейманом (краеведом и журналистом, хранителем Феодосийского музея в 1918 - 1920 гг.). Эти ставшие библиографической редкостью статьи (в которых ярко отражены дух времени и глубина человеческих чувств), а также два документа из фондов ФКМ ("Автобиография", написанная Людвиком Петровичем незадолго до смерти, видимо, для ТУАК, и его послужной список) стали предметом данной публикации. Их предваряет краткий биографический очерк Л.П. Колли [1].

Людвик Петрович Колли родился в г. Фрайбурге в 1849 г. Получил философское и юридическое образование. Работал гувернером в родном городе, затем преподавал французский язык в Риге, работал гувернером в Подольской губернии и вновь преподавал французский в Одессе. С 1879 г. он становится преподавателем французского языка в мужской и женской прогимназиях Феодосии. В этом маленьком приморском городке он прожил почти сорок лет, из коих три десятка отдал педагогической деятельности, в 1906 г. ушел в отставку, дослужившись до гражданского чина статского советника и получив четыре ордена и три медали. Людвик Петрович увлекался историческим прошлым Крыма, путешествиями, читал учащимся лекции по истории Феодосии. Слыл знатоком русской литературы. Узы дружбы и увлеченность живописью связывали его с И.К. Айвазовским; была у них еще одна общая страсть - любовь к Феодосийскому музею древностей.

Со временем его увлеченность историей переросла в серьезные научные занятия, и имя Колли приобрело известность в научном мире. В 1901 г. он избирается членом-корреспондентом, а вскоре и действительным членом ООИД, а также действительным членом ТУАК. Еще в бытность преподавателем гимназии, он по предложению Одесского Общества заменил О.Ф. Ретовского на посту заведующего Феодосийским музеем. В июне 1900 г. состоялась передача музейной коллекции Колли. С этого времени он посвящает свою жизнь музею, охране памятников истории и культуры, научным занятиям. Особой заботой нового заведующего стала коллекция музея, которую он содержал в полном порядке, обращал небольшую плату за свои статьи на ее приращение (покупал древности у частных лиц), составлял коллекционные описи. Им опубликовано несколько указателей, содержащих историю музея и описание его памятников [2]. В указателе за 1912 г. он учел около 2,5 тысяч вещей. Колли неоднократно выступал на заседаниях ТУАК в Симферополе, публиковал статьи по различным вопросам истории и культуры античного и средневекового Крыма. Именно он отнес остатки древнего мола со сваями, обнаруженные А.Л. Бертье-Делагардом вблизи феодосийского карантинного вала, к древнегреческому времени; а в 1905 г. Людвик Петрович сам руководил подводными раскопками: под его началом в том же месте водолазы извлекли со дна моря античные амфоры [3]. В 1903 г. по поручению ТУАК он отправляется в Старый Крым, чтобы обследовать местные исторические памятники [4].

Колли ратовал за издание закона о борьбе с хищническими раскопками в России вообще и в Крыму в частности, осуждал практику уничтожения памятников старины: "В Феодосии в течение минувшего XIX столетия... уничтожено огромное число древних построек. Из них некоторые, помимо их исторического значения, могли бы и теперь служить украшением города, придавая ему характерный, живописный вид" [5]. По инициативе и при участии Людвика Петровича в городе и соседних с ним местах реставрировались мечети, древние стены и башни. Его научная деятельность (три десятка работ) была известна не только в России, но и за границей: в 1906 г. он стал участником Миланской выставки, послав на нее фотографии и рисунки феодосийских древностей; он переписывался с известными итальянскими учеными; в 1914 г. был избран почетным членом Лигурийского общества истории и награжден командорским крестом ордена Итальянской Короны [6].

Особенно ценны его труды по истории генуэзских колоний в Крыму. В 1905, 1911-1913, 1915 и 1918 гг. на страницах ИТУАК появились значительные по объему публикации, подготовленные Л.П. Колли. В них автор предстает популяризатором, стремящимся пробудить интерес читателей к своей любимой теме, сделать более доступным относящийся к ней фактический материал. Обильно цитирует письменные источники (большинство из них до сих пор не издано в русском переводе), снабжает их комментариями. Все вместе сочинения Колли фактически составляют монографию, в которой публикуются и анализируются источники, выясняются подробности ситуации, сложившейся в генуэзских колониях накануне прихода турок, причины падения итальянских колоний, их неспособности противостоять врагу.

В последние годы жизни Людвик Петрович тяжело болел. В октябре 1914 г., незадолго до смерти, он спас коллекцию музея, когда ей угрожала опасность во время бомбардировки Феодосии турецким крейсером "Хамидие": все ценные вещи отправил в Симферополь. Память об этом подвижнике, человеке чистой

и открытой души осталась в сердцах сослуживцев, учеников и коллег по науке.

Колли Л.П. Автобиография

(Дело Феодосийского музея. 1900 - 1917 гг.

// Архив ФКМ. Н.А.18. Л.118 - 119)

Родился в г. Фрайбурге, в Швейцарии, в 1849 г. Четырех с половиной лет принят по экзамену в городское училище в I-й класс, курс которого окончил (5 классов) в 9,5 лет. В 1858 г. поступил по экзамену в I кл. "Коллегии св. Михаила" в классическое отделение (6 кл.) и в 1864 г. переведен без экзамена в Фрайбургский лицей по классу философии (2 года), откуда поступил в 1866 г. тут же на юридические курсы, но через год должен был отбывать воинскую повинность (4 месяца), после чего мой полк (61-й федеральный) был отправлен в Женеvu на оккупацию для усмирения этого города по случаю электоральных беспорядков. По истечении 2-х месяцев, со вторым унтерофицерским чином вернулся в родной город, где в декабре получил предложение поступить гувернером-воспитателем к сыну председателя Ковенского окружного суда. Пробыл там два года в имении Тельменского уезда. Оттуда поехал в Ригу, где с первого дня меня пригласили преподавателем фр. яз. в приготовительное отделение рижского техникума. Летом 1872 г. выехал в Подольскую губернию, в г. Теплик (Гайсинск. уезда), в имение графини Потоцкой, гувернером и, пробывши там два года, уехал в Одессу, где занимался преподаванием фр. яз. в нескольких частных мужск. и женских училищах.

После русско-турецкой войны, в январе 1879 г., по предложению попечителя Одесского уч. округа Голубцова занял пост преподавателя фр. яз. в Феодосийской мужской 6-тиклассн. прогимназии и женской казен. гимназии. В этой последней преподавал 23 года, а в мужской, преобразованной в гимназию, 30 лет. Вышел в отставку по болезни в 1906 г. В 1900-м же году принял предложение Императорского ООИД заведовать Феодосийским музеем древностей. В 1901 г. был избран членом-корреспондентом, а в 1903 г. действительным членом этого Общества. В 1902 г. был избран активным членом ТУАК. Мои труды по истории г. Феодосии, все на русском языке, вам известны.

Г. Феодосия. 30 января 1917 г.

Л. Колли.

Людвиг Петрович Колли

(Дело Феодосийского музея. 1900 - 1917 гг.

// Архив ФКМ. Н.А. 18. Л.119)

Родился 23 декабря 1849 г. в г. Фрайбурге (Швейцария)

Швейцарский гражданин, в России с 1868 г. и на русской государственной службе с 1878 г. Прослужил 30 лет преподавателем Феодосийской гимназии. Дослужился до гражданского чина статского советника. Награжден орденами: 1. Св. Станислава 3-й степени; 2. Св. Анны 3-й степени; 3. Св. Станислава 2-й степени; 4. Св. Анны 2-й степени; 5. Медалью царствования императора Александра III; 6. Юбилейной медалью 1812 г.; 7. Юбилейной медалью 300-летия царствования Дома Романовых. Действительный член Имп. ООИД, Действительный член ТУАК. Хранитель ФМД с 1900 г.

Маркевич А.И. Памяти Людовика Петровича Колли

(ИТУАК. - 1918. - №55. - С.208 - 214) [7]

... 28 декабря 1917 г. скончался уважаемый наш сочлен Людовик Петрович Колли. В лице его Комиссия (ТУАК - Э.П.) лишилась скромного, но в высшей степени полезного работника, незаменимого в той области крyмоведения, которой он посвятил свои силы, в которой с таким рвением и достоинством трудился около двадцати лет.

Л.П. Колли был иностранец по происхождению... в 1879 г. получил место преподавателя французского языка в Феодосийской мужской прогимназии, преобразованной вскоре в гимназию, где состоял на службе в течение 27 лет, до 1906 г., причем 23 года состоял преподавателем французского языка и в Феодосийской женской гимназии. Бывший в то время директором Феодосийской гимназии В.К. Виноградов обладал не только выдающимися педагогическими способностями, но и умением поддерживать и развивать интеллектуальные интересы в среде сослуживцев, поощрять их научные занятия, сплачивать в дружескую педагогическую семью. Обратил он внимание и на преподавателей новых языков в гимназии... Повезло... молодой Феодосийской гимназии, в которой оба преподавателя новых языков - О.Ф. Ретовский и Л.П. Колли - были люди сведущие, образованные, пользовавшиеся уважением товарищей и общества и любовью учеников. Старший из них летами О.Ф. Ретовский занимался естествознанием, написал несколько ученых работ по насекомым Крyма, а затем увлекся крyмскими древностями, в частности нумизматикой, получил должность заведующего Феодосийским музеем древностей... Подобно ему, и Колли посвящал свои досуги изучению насекомых, а потом все более входил в историю и древности, в 1887 г. совершил экскурсию по Феодосийскому уезду с профессором В.Д. Смирновым и вместе с ним осматривал остатки древностей в Старом Крyму, потом вместе с О.Ф. Ретовским объехал с археологической целью северное побережье Малой Азии и был достойным преемником его по заведованию Феодосийским музеем древностей, состоящим в ведении ООИД. Почти одновременно, в 1901 г., он избран в члены ТУАК и ООИД.

Высококультурный человек, пополнивший свое школьное образование чтением, живой, остроумный, всегда изящный, жизнерадостный, Людовик Петрович пользовался симпатиями как сослуживцев, так и общества, а любовь к искусству, в частности к живописи, которой он занимался в часы досуга, сблизила его с почетным попечителем Феодосийской гимназии И.К. Айвазовским, и Л.П. Колли сделался ежедневным посетителем его в течение многих лет, собеседником по вопросам искусства и свидетелем создания многих произведений знаменитого мариниста.

Но прошли времена Виноградова и Айвазовского, наступила тяжелая пора в жизни нашей средней школы, и в частности Феодосийской гимназии, и в половине 1906 г. Людовик Петрович, выслуживший нормальный срок службы, должен был оставить службу в гимназии, без предупреждения, без объяснения причин, "ради освежения школы молодыми силами", как сообщили ему в частной беседе. "Выбросили, как собаку, - писал он мне со скорбью, - с 44 руб. в месяц пенсии".

С 1903 г. началось близкое участие Людовика Петровича в трудах ТУАК, а вместе с тем и наша переписка, наше знакомство, перешедшее в искреннюю дружбу. В каждом письме своем ко мне он касался вопросов истории и древностей - писал о гибели Екатерининского фонтана в Старом Крыму, сломанном в 1895 г. по постановлению городского управления, о т. н. Екатерининском дворце "Сары-Хана" в Феодосии и доме Кушниковых, в котором проживал император Александр I, об издании гербов консулов Каффы, Солдаи и Чембало, о грабительстве древних погребений в урочищах Мессар и Куль-Тепе, близ Азовского моря, где он предполагал существование в древности значительного греческого поселения, о предположенном мною переводе сочинения Палласа о Крыме на русский язык, о личности графини Гаше, умершей в Старом Крыму, которую он вместе с г. Бертреном убежденно отождествлял с графиней де Ламот Валуа, о переводе татарских надписей Феодосийского музея на русский язык, о бухте "Провато", о мечети Султана Селима, о реставрации древней церкви с фресками в Феодосийском карантине и др. В Известиях Комиссии он поместил 15 значительных статей и около 10 мелких сообщений. Особенную ценность представляют его труды по истории генуэзского владычества в Крыму, основанные на материалах, заключающихся в изданиях Лигурийского Общества истории...

Знаток истории Крыма, искренний ценитель памятников древности и старины, он скорбел о разрушении и гибели их и, насколько мог, заботился об их сохранении. Реставрация мечети в д. Карагоз и предположенная реставрация мечети в д. Кулеш-Мечеть, реставрация башен папы Климента VI и т. н. Второй и стены между ними в Феодосии, сохранение стены у башни Константина - обязаны его участливому отношению к этим остаткам древности. Феодосийский музей он любил как свое детище, преобразовал его и составил новый указатель находящихся в нем предметов, а на пополнение его скудных средств обращал, сам бедняк, небольшую плату за отписки своих статей. Его сильно мучил вопрос об охране памятников, особенно находящихся в земле, и он горячо ратовал относительно прав на них государства, указывая на необходимость издания соответственного закона, чем была бы прекращена "работа" разных "счастливчиков" и грабителей в России и в Тавриде в частности.

С 1905 г. появились у Людовика Петровича подагрические боли и ишиас; в 1908 г. эти боли усилились, и он должен был в течение трех лет (1900 - 1911 гг.) пользоваться грязевыми ваннами в Саках. Лечение требовало больших средств, а их у него не было. Не оправдались его мечты на получение какого-либо вознаграждения от Археологической Комиссии за хранение музея древностей в Феодосии и труды по археологии, не увенчались успехом и хлопоты его об усиленной пенсии, но он не оставлял ученых занятий, несмотря на постоянную нужду, необходимость "считать гроши".

В 1906 г. он участвовал, как экспонент, в Миланской выставке по случаю открытия Симплонского туннеля..., выслал более 60 экземпляров большого формата фотографических снимков гравюр и рисунков с натуры сохранившихся генуэзских башен и других сооружений от Феодосии до Инкермана, снимков с надписями, гербов на плитах Феодосийского музея, плана г. Каффы 1784 г. и др. Его экспонаты произвели громадное впечатление на итальянских ученых и широкие круги посетителей выставки, и ему была выражена в ряде статей глубокая признательность за ознакомление с ними итальянского общества... В 1913 г. Людовик Петрович был поглощен приездом в Феодосию представителя Лигурийского Общества маркиза Чезаре Имперiale ди Сант Анджело с другими лицами на собственной яхте Caffa и собиранием экспонатов для генуэзской выставки. Маркиз привез ему в подарок несколько ценных изданий от генуэзского городского управления, генуэзского портового управления и Лигурийского общества истории. Людовик Петрович сердечно радовался этому подарку: "будет материал для Известий, лишь бы хватило здоровья". В начале 1914 г. он был избран в почетные члены Societa Ligure и в том же году был награжден командорским крестом ордена Итальянской Короны.

Между тем здоровье Людовика Петровича все ухудшалось... средств для лечения у него не было. Кроме пенсии, только изредка получал он вознаграждение за исполнение должности консульского агента во время отсутствия г. Бертрена, за перевод документов и т. д. Праздником для него была всякая возможность побывать в Симферополе, но и это по причине недостатка средств на поезд с трудом удавалось ему... Письмо... Людовика Петровича от 13 ноября было очень печально. "Доведя мою работу до конца 1474 г., я серьезно заболел, не могу владеть пером, не могу даже стоять на ногах... полагаю, что дни мои

сочтены. Сделал последние распоряжения. Прощайте! Простите!" На следующий день, 14 ноября, он сообщил мне "более утешительный бюллетень". Он чувствовал себя лучше, радовался, что друзья, бывшие ученики не оставляют его, заходят, высказывал надежду продолжать свою работу, "если Бог даст сил". Последнее письмо его ко мне было от 22 ноября. Он писал, что чувствует, что "силы приходят к концу". "Жаль будет мне, - продолжал он, - расстаться с работой, тем более, что дошел до самого интересного предмета, событий 1475 г.", но не терял надежды окончить ее. И далее: "Бедная Россия! Что с нами будет?" Эти слова поистине надо считать последними его словами, хотя он прожил еще более месяца...

К тому, что сказано выше, хочется сказать еще несколько слов о Людовике Петровиче, как человеке. Иностранец по происхождению и оставшийся до конца жизни швейцарским подданным, он искренне любил Россию, как свое второе отечество, и горячо отзывался на ее радости и печали. "Да, я до сих пор иностранец, швейцарец по рождению, но люблю Россию и буду ей предан до смерти", - писал он мне 2 декабря 1903 г. События 1904 - 1905 гг. сильно волновали его. "Человеку, преданно служащему царю, неудобно теперь, в такое время, взять отпуск хотя бы на несколько дней, оставить, так сказать, поле сражения, когда его присутствие на месте, быть может, принесет хоть каплю пользы честному патриотическому делу" (письмо от 4 марта 1905 г.). Воспитанного в строгой дисциплине и служении долгу, его терзали волнения в Феодосии, отражавшиеся на жизни учащихся и вносящие разруху в школу, а кровавые события октябрьских дней в Феодосии глубоко потрясли его душу (письмо от 27 октября 1905 г.); его мучила вражда партий, он боялся "снова проявления конвульсий сильно раздраженного и встревоженного организма", его смущало, что "необходимого духа единения, сплочения истинных сынов России нет", и он предсказывал, что "в последний момент возьмут верх левые элементы" (3 сентября 1906 г.): "русский человек страшный протестант и податлив, слабохарактерен". Также сильно волновали его и балканские события 1912 - 1913 гг., а настоящая война (I мировая - Э.П.) захватила все его духовное существо. Он восторгался подвигами наших войск, его мучили перипетии войны. "Боже мой! Не живу, не сплю, дрожу. Судьба России... Однако в тумане кровавом вижу проблеск луча надежды для будущего... Я в таком душевном состоянии, что не могу собрать своих мыслей. Моя голова вся в рижском районе, в армии, которой нет, которая храбро отступает" (15 августа 1917 г.).

Людовик Петрович любил русскую литературу, был хорошо знаком с произведениями главнейших наших писателей; любил и малорусскую речь, и одно письмо его ко мне от 7 июня 1913 г. начиналось двумя значительной величины выдержками из "Кобзаря" Шевченко, написанными, очевидно, по памяти. Он любил Крым, любил историю Тавриды, которую справедливо считал важнейшей частью истории России, и эта любовь к Тавриде и ее прошлому и связывали его, главным образом, с нашей Комиссией, в трудах которой он принимал такое ревностное и сердечное участие. Он любил Феодосию, в которой прожил большую половину своей жизни, почти сорок лет, и которую знал превосходно... привязанность к Феодосии была тем удивительнее, что он чувствовал себя в ней одиноким... "Феодосийская жизнь протекает однообразно, без всякого проявления какого-либо порыва общественного пробуждения; ходим все как тени на берегах Стикса" (письмо от 13 февраля 1915 г.).

Эта любовь к Феодосии, кроме привычки одинокого старого холостяка, вызывалась любовью к ее древностям и старине, любовью к ее Музею древностей. Много, очень много остатков старины сохранено в Феодосии благодаря Людовику Петровичу. Благодаря его стараниям была приведена в достойный вид могила героя Синопы капитана I ранга Ергомышева, командира славного корабля "Париж", приняты были городским управлением меры к охране памятника на могиле генерала Котляревского и др... Он не упускал случая добыть для музея какой-либо предмет древности - монету ли, плиту с надписью, стеклянный или глиняный сосуд и т. д., и волновало его то, например, что никто из феодосийских граждан не откликнулся на его просьбу пожертвовать музею гранату из тех, что брошены были на Феодосию 16 октября 1914 г. "Работая более 15 лет на этой (научной) ниве, я, - писал он мне 5 апреля 1916 г. по поводу чтения им лекций для учащихся и учащихся по истории Феодосии, - всегда задавался целью трудиться для окружающего меня мира, ознакомить здешнее население с его прошлым, насколько хватало у меня сил, но материального расчета я никогда не преследовал, несмотря иногда на острую нужду".

Феодосийцы, надо правду сказать, особенно старожилы, относились к Людовику Петровичу всегда с искренним уважением, а многочисленные ученики его сохраняли всегда любовь к нему, их весьма снисходительному, доброму, любившему молодежь учителю. Эта любовь особенно сказалась во время предсмертной его болезни, она облегчала его страдания, утешала его в последние дни его жизни. И долго будет жить среди феодосийцев обаятельный образ этого старого учителя и достойного гражданина; долго будет жива память о нем и в среде ТАУК, для которой он много потрудился; неизгладима она будет среди тех, кто имел радость знать этого прекрасного, достойного человека.

Гейман В.Д. Памяти учителя (О последних днях Л.П. Колли)
(ИТУАК. - 1918. - №55. - С.215 - 217)

В течение шести недель - две ужасные утраты: 14 ноября скончался заведовавший центр. гидрометеорологической станцией в Феодосии инженер. М.Н. Сарандинаки, а 28 декабря - маститый Людовик

Петрович Колли, хранитель местного Музея древностей, долголетний работник в сфере истории генуэзской Каффы и др. областей, преданный сотрудник "Известий ТУАК", неутомимый собиратель древностей, редкий поборник культуры и науки. О последних днях Людовика Петровича, моего учителя и по гимназии, и в области изучения истории Феодосии, я считаю долгом дать сведения, кои представят несомненный интерес для будущего биографа.

Будучи сам, как швейцарский гражданин, проникнут до мозга костей принципами свободолюбия, Людовик Петрович с невыразимым страданием переживал нынешнее тяжелое и кошмарное время. Каждое событие, связанное в начале войны с поражением нашей и французской армии или флота, он встречал с болью в сердце, война эта укоротила надолго его дни. Но все же решительный удар был, несомненно, нанесен нашей "бескровной революцией". События, разворачивавшиеся в последние месяцы, приводили его порою в состояние полнейшей апатии, а на хрупком организме, пораженном долголетним склерозом и ишиасом, эти нервные переживания отразились весьма сильно. К тому же сильно давали себя знать и материальные условия: живя на одну мизерную пенсию по Министерству народного просвещения, Людовик Петрович положительно жил впроголодь, не доедал, ютился в холодной комнатке и много страдал в нынешние дни продовольственных неурядиц. С трудом передвигаясь со своей больной ногой, он не мог стоять в обязательных очередях и вынужден был отказывать себе во многом...

В ноябре месяце состояние здоровья его начало ухудшаться. Сильно ослабела деятельность сердца, поражена была нервная система, и Людовик Петрович сразу упал духом... Потирая лоб, он все время говорил нам: "что-то неладно с головой, нервные центры не повинуются, управлять телом не могу". Однако в то время он еще поправился, встал и засел еще за последнюю работу - окончание статьи для "Известий" Архивной Комиссии о падении Каффы. Мы добыли ему в земстве керосина, запасов коего, по моим расчетам, должно было хватить ему на несколько месяцев. Мысль, что он не останется в темноте, чего он более всего боялся, обрадовала его, как ребенка. Он усердно принялся за работу, проводя долгие вечера над последними листами своей рукописи. В это время друзья покойного приступили к собиранию некоторой суммы на улучшение питания Людовика Петровича, и, надо сознаться, его бывшие ученики, ныне общественные деятели и видные в городе лица, откликнулись весьма сердечно на наши призывы. В декабре состояние здоровья Людовика Петровича снова ухудшилось. Он уже не вставал, стал видеть только силуэты и сильно пал духом. Тяжело мне было слышать его предсмертные распоряжения, в коих он не забыл своего всегдашнего внимания об общественном благе. Библиотеку он просил передать городу, все исторические вещи - музею и т. д. Мы успокаивали его, как могли, но он уже не мог вполне владеть своим организмом, и все повторял: "что-то тут неладно", указывая при этом на лоб и затылок.

В середине декабря мы с другом покойного - податн. инспект. П.М. Трениным - обратились к городскому голове В.И. Бианки с просьбой о помещении Людовика Петровича в городскую больницу, где за ним мог быть установлен постоянный надзор медицинского персонала. В.И. Бианки в виде исключения разрешил принять хроника, и в больнице Людовик Петрович пробыл до последних своих дней. Там он уже галлюцинировал и таял с каждым днем. В последнее свидание с друзьями П.М. Трениным и фотографом-старожилом Э.М. Редлихом, коему он помогал, между прочим, писать драму на сюжет о падении Каффы, он попросил показать ему его рукопись, в которой, впрочем, не мог уже ничего разобрать и только с помощью друзей установил последние строки. "Немножечко не кончил", - проговорил Людовик Петрович, и слезы покатались из его глаз. Заплакали и присутствующие. Эти последние слова, дышавшие стремлением к той родной книге и истории, коим покойный отдал свои лучшие силы, были последними словами, слышанными его друзьями... Погребение Людовика Петровича состоялось на следующий же день (после смерти - Э.П.). В маленькой армяно-католической церкви (б. мечеть Муфти-Хан), описанию коей покойный посвятил немало страниц, в присутствии ограниченного круга друзей состоялось отпевание, а в 4 часа процессия двинулась на христианское кладбище, где Людовик Петрович погребен был в стороне от центра, недалеко от могилы другого бескорыстного труженика, б. секретаря городской управы М.Д. Синайского, покончившего с собой под влиянием нынешних событий...

Музей был опечатан тотчас же, квартира оставлена была под присмотром. 31 декабря был приглашен скудебный пристав, и мы, трое близких покойному, вошли в его трудовую комнатку... Со всех полок глядели на нас фолианты, над которыми так недавно сидел в своем кресле Людовик Петрович. Портрет его, переносимый в музей, слишком напоминал об ушедшем... рукописи решено было передать А.И. Маркевичу; библиотеку и вещи музея - вернуть в музей... На нас глядели законопаченные окна его крохотных комнат, лишившихся обитателя. Это была хорошо знакомая картина опустевшей квартирки холостяка-ученого, уделом многих из нас, увлеченных книгой. И одно утешение, что Людовик Петрович не умер и что память о нем в виде многочисленных трудов его живет и будет жить вечно, немного сглаживало тяжелое, долго не расходившееся настроение грусти и разочарованности.

Источники и литература

1. Мне уже доводилось писать об этом замечательном человеке и публиковать некоторые документы из фондов ФКМ, имеющие отношение к его жизни и деятельности.: Никифоров А.Р., Петрова Э.Б. Феодосийский швейцарец Людвик Колли // Клио. - Симферополь, 1998. - №1 - 4 (4). - С.7 - 10; Петрова Э.Б. Античная Феодосия. - Симферополь, 2000. - С.27 - 31.
2. Указатель Феодосийского музея древностей / Сост. Л.П. Колли. - 5-е изд. - Феодосия, 1903; 6-е изд. - Феодосия, 1912.
3. Колли Л.П. Следы древних культур на дне морском // ИТУАК. - 1909. - №43. - С.125 - 137.
4. Колли Л.П. О судьбе некоторых исторических зданий в Старом Крыму и Феодосии // ИТУА К. - 1903. - №35. - С.10 - 17.
5. Там же. - С.12.
6. Петрова Э.Б. Античная Феодосия. - С.28, 30. - Рис.9, 10.
7. Статьи А.И. Маркевича и В.Д. Геймана публикуются с небольшими сокращениями.

Список сокращений

ИТУАК	- Известия Таврической ученой архивной комиссии
ООИД	- Одесское Общество истории и древностей
ТУАК	- Таврическая ученая архивная комиссия
ФКМ	- Феодосийский краеведческий музей
ФМД	- Феодосийский музей древностей